

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 126–135.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 126–135.

Научная статья
УДК 339.91
doi: 10.54398/1818-510X.2026.88.3.014

**РОЛЬ СТРАН ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ XXI в.
(НА ПРИМЕРЕ БРИКС+)**

Оськина Ольга Ивановна¹, Закарьяев Тимур Алимжанович², Красовский Дмитрий Николаевич³

^{1–3}Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия

¹oskina_olga@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2006-1786>

²timur.z-k-r-v@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5384-9306>

³dima.krasovskii2005@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6943-4217>

Аннотация. Осуществлен комплексный анализ возрастающей роли стран Глобального Юга как ключевого субъекта трансформирующейся системы международных отношений. Актуальность темы обуславливается значительным потенциалом данных стран, а также изменениями в глобальной дипломатии в условиях укрепляющейся многополярности. В качестве репрезентативного кейса исследуется международное объединение БРИКС+, которое рассматривается не только как экономический блок, но и как институциональное ядро формирующегося многополярного мира. На основе анализа экономических показателей и динамики торгово-экономического взаимодействия между странами-участниками (включая новые государства-члены – Египет, Эфиопию, Иран, ОАЭ и Саудовскую Аравию) и Российской Федерацией выявляются ключевые векторы и драйверы интеграции. Системный и структурно-функциональный методы позволили выделить характерные особенности развития стран Глобального Юга и динамику институциональных изменений. Широкое привлечение статистических данных и их вторичная обработка позволили проанализировать важные стратегические аспекты, такие как дедолларизация расчетов, развитие независимой торговой и логистической инфраструктуры и финансирование совместных проектов через Новый банк развития (НБР). Сделан вывод о детерминантной роли БРИКС+ в интеграционных процессах Глобального Юга и ее синергетическом эффекте.

Ключевые слова: геополитика, многополярный мир, глобальный Юг, логистическая инфраструктура, взаимодействие, дедолларизация, институциональное ядро, БРИКС, детерминантная роль, синергетический эффект

Для цитирования: Оськина О. И., Закарьяев Т. А., Красовский Д. Н. Роль стран Глобального Юга в мировой экономике XXI в. (на примере БРИКС+) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 3 (88). С. 126–135. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.014>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THE ROLE OF THE COUNTRIES OF THE GLOBAL SOUTH IN THE WORLD ECONOMY
OF THE 21ST CENTURY (USING THE EXAMPLE OF BRICS+)**

Olga I. Oskina¹, Timur A. Zakaryayev², Dmitry N. Krasovsky³

^{1–3}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹oskina_olga@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2006-1786>

²timur.z-k-r-v@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5384-9306>

³dima.krasovskii2005@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6943-4217>

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the increasing role of the countries of the «Global South» as a key actor in the transforming system of international relations. The relevance of the topic is determined by the significant potential of these countries, as well as changes in global diplomacy in the context of increasing multipolarity. As a representative case, the international association BRICS+ is being studied, which is considered not only as an economic bloc, but also as the

© Оськина О. И., Закарьяев Т. А., Красовский Д. Н., 2026

institutional core of the emerging multipolar world. Based on the analysis of economic indicators and the dynamics of trade and economic cooperation between the participating countries (including the new member States – Egypt, Ethiopia, Iran, the United Arab Emirates and Saudi Arabia) and the Russian Federation, key vectors and drivers of integration are identified. Systematic and structural-functional methods allowed us to identify the characteristic features of the development of the countries of the Global South and the dynamics of institutional changes. Extensive use of statistical data and their secondary processing allowed the authors to analyze important strategic aspects, such as the de-dollarization of settlements, the development of independent trade and logistics infrastructure, and the financing of joint projects through the New Development Bank (NDB). The authors conclude about the determinant role of BRICS+ in the integration processes of the Global South and its synergetic effect.

Keywords: geopolitics, multipolar world, global South, logistics infrastructure, interaction, de-dollarization, institutional core, BRICS, determinant role, synergetic effect

For citation: Oskina O. I., Zakaryayev T. A., Krasovsky D. N. The Role of the Countries of the Global South in the World Economy of the 21st Century (Using the Example of BRICS+). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 3 (88), pp. 126–135. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.014> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Среди геополитических концепций современности ярко выделяется эмпирическое деление мира на Глобальный Север и Глобальный Юг. В состав Юга входят развивающиеся, неблагополучные и бедные страны, которые часто оказываются зависимыми от политического и социально-экономического влияния Севера – наиболее богатых и развитых, стабильных и благополучных стран мира [11, с. 119–120].

Следует подчеркнуть, что категория Глобальный Юг не является гомогенной и включает государства с разноуровневыми социально-экономическими показателями. Ряд стран, таких как Китай, Индия, Бразилия и Индонезия, демонстрируют в последние десятилетия ускоренный экономический рост, что позволило им занять существенную нишу в мировой экономике и превратиться во влиятельных акторов международных отношений, конкурирующих с развитыми государствами Севера. В этой связи целью данного исследования является осмысление места и динамики роли стран Глобального Юга в мировой экономике XXI в. на примере международного объединения БРИКС+. Хронологические рамки исследования охватывают период активного оформления и развития БРИКС, включая динамику 2000–2023 гг. Данный период позволяет наглядно проследить изменение стратегического веса и возрастание роли данной организации в контексте геополитической турбулентности.

Методология

В рамках проведенного исследования мы опирались на комплексную методологию, сочетающую несколько подходов, что позволило раскрыть динамику, структуру и наметить перспективы развития организации БРИКС. Системный и структурно-функциональный подходы способствовали глубокому исследовательскому погружению в проблематику, в то же время геополитический и геоэкономический анализ позволил установить устойчивые взаимосвязи между географическими факторами, ресурсным потенциалом и экономической мощью стран Глобального Юга. Институциональный подход высветил роль международных организаций и соглашений, а сравнительный анализ с опорой на эмпирические данные подтвердили логику рассуждений и выдвинутые тезисы о возрастающей роли БРИКС+ в интеграционных процессах Глобального Юга.

Эволюция объединения стран Глобального Юга

Стоит заметить, что отношения между Россией и крупнейшими странами Глобального Юга (Китаем, Индией и Бразилией) активно развивались уже с конца 90-х гг. XX в. и в новом столетии начали выходить на совершенно иной уровень, что выразилось в необходимости создания координирующих межгосударственных органов. Именно так зародилось международное объединение БРИК, которое своей целью имело развитие политических и торгово-экономических отношений между своими членами. С 2009 г. начали проходить регулярные саммиты БРИК, а уже в 2011 г. к организации присоединилась ЮАР, из-за чего название организации сменилось на БРИКС [22, с. 72–74].

В начале 2024 г. произошло второе расширение альянса: ОАЭ, Египет, Иран и Эфиопия были официально приняты как равноправные участники интеграционного блока [20].

Возрастающая роль стран Глобального Юга в современной мировой экономике создает необходимость в увеличении числа научных исследований данной проблематики.

Согласно данным МВФ с 2016 по 2020 г., совокупный ВВП стран-участников БРИКС вырос с 33,6 трлн до 41,02 трлн долл. Также в 2020 г. данный показатель превысил аналогичный у «Большой семерки» (41,02 трлн долл. против 41,01 трлн долл.; см. рис. 1). Удельный вес стран БРИКС в структуре мировой экономики достиг 25 % [21, с. 443], однако спустя непродолжительный временной промежуток, согласно актуальным статистическим данным, этот показатель возрос до 35,7 % в 2023 г. [8].

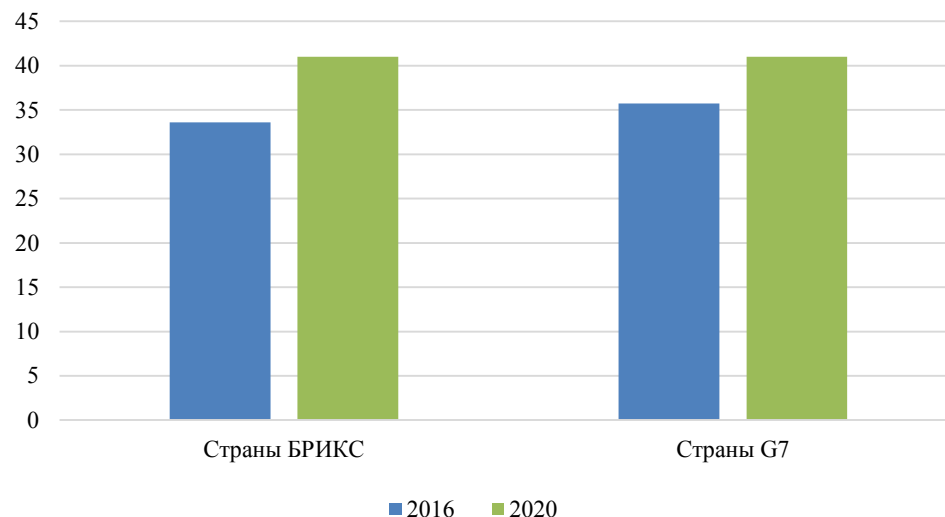

Рис. 1. Динамика совокупного ВВП стран БРИКС и стран G7 [21, с. 443]

Очень показателен рост совокупной торговли союза почти в 20 раз с 1995 по 2014 г.: с 13 млрд до 297 млрд долл. соответственно. Также значительно активизировалась внутренняя торговля в альянсе: за 2000–2007 гг. один только Китай увеличил свой экспорт в страны БРИКС почти в 11 раз [1, с. 65]. Стоит заметить, что Китай также является одной из крупнейших экономик мира. По данным МВФ за 2023 г. в мировом рейтинге номинального ВВП он занимает второе место (17 662 млрд долл.), уступая лишь США (27 357,8 млрд долл.) [6].

Темпы роста экономики Индии, которая также является одной из крупнейших стран Глобального Юга, хотя и не такие большие, как у северного соседа, однако также довольно заметны: с 4 % (2000 г.) до почти 6,9 % (2021 г.) по удельному весу в мировом ВВП. В 2020 г. по данному показателю Индия обогнала Германию и Японию, заняв третье место в мировом рейтинге [7, с. 55]. Однако после пандемии COVID-19 вновь вернулась на пятое место [6].

Важным направлением сотрудничества в рамках БРИКС выступает взаимное инвестирование, направленное на реализацию одной из ключевых целей объединения – интеграции национальных рынков. Иллюстрацией данного процесса служит диверсификация инвестиционных потоков: бразильский капитал активно направляется в высокотехнологичные и инфраструктурные сектора Китая, включая авиастроение, горнодобывающую промышленность и финансовые услуги. В свою очередь, индийские корпорации наращивают присутствие в бразильской экономике, концентрируя инвестиции в энергетике, машиностроении и фармацевтике [19].

Ключевым элементом институционального строительства в рамках БРИКС стало учреждение Нового банка развития (НБР). Мандат данного многостороннего финансового института сфокусирован на софинансировании инфраструктурных проектов внутри объединения, что призвано решить проблему структурного дефицита инвестиций в данной сфере у ряда участников, в частности у Индии. Перспективная задача НБР заключается в трансформации в один из ключевых инструментов развития для стран Глобального Юга, обеспечивая стратегическое финансирование их долгосрочного экономического роста [12, с. 1199–1201].

В контексте преодоления существующих вызовов организация обладает существенным ресурсом для дальнейшей интеграции. Следует отметить, что в рамках XIV саммита в Пекине (2022 г.) государства-члены БРИКС приступили к концептуальному оформлению видения «новой эры» глобального управления. Данная платформа, следует из анализа документа, предлагает

альтернативную парадигму, акцентирующую необходимость создания более инклюзивной и полицентричной системы международных отношений, структурно дистанцирующейся от гегемонии традиционных западных центров влияния [18].

На XV саммите БРИКС, проходившем в августе 2023 г. в Йоханнесбурге (ЮАР), были обсуждены ключевые вопросы глобального развития, такие как углубление экономического сотрудничества между странами Глобального Юга, в том числе в сферах инвестиций, энергетики, инфраструктуры и инновационных технологий. Обсуждались вопросы развития общих денежно-кредитных и банковских отношений, проблемы глобальной безопасности, включая формирование новой системы международных отношений, вопрос расширения группы БРИКС. Помимо официальных тем, в ходе рабочих сессий были обсуждены следующие вопросы: реформа ООН, ситуация в Афганистане, иранская ядерная программа, итоги пандемии COVID-19 [10].

Расширение БРИКС до 11 стран открывает новые перспективы, такие как углубление экономического сотрудничества, увеличение торговли и инвестиции, создание альтернатив международному порядку и усиление роли стран Глобального Юга, укрепление стратегических партнерств между членами БРИКС и увеличение влияния данной организации.

В перспективе страны-участники БРИКС+ планируют создание единой международной резервной валюты. Санкционное давление на некоторых из членов организации со стороны США и их союзников подогревает недоверие к доллару как мировой валюте, что активизирует процесс отказа от него как главного средства межвалютного обмена. Зависимость от доллара является одной из заметных проблем современной мировой экономики и страны БРИКС+ хотят создать достойную альтернативу ему [4].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что БРИКС+ в настоящее время представляет собой одну из наиболее институционально развитых и результативных площадок для координации стран Глобального Юга. Объединение обладает значительным потенциалом для консолидации в качестве ключевого оператора совместных инвестиционных проектов своих членов. Открытость формата для новых участников, готовых разделять уставные принципы и международно-правовые обязательства блока, дополнительно усиливает его позиции. В стратегической перспективе данная структура имеет все основания для трансформации в влиятельный центр силы в многополярной международной системе, способный выступать в качестве балансира в условиях доминирования традиционных западных акторов.

Вместе с тем перед объединением стоят системные вызовы. Ключевыми из них являются необходимость разработки эффективных институциональных механизмов для расширенного состава и сбалансирования интересов между государствами-основателями и новыми членами. Существует потенциал возникновения конфликтов, обусловленных дивергенцией политических и экономических интересов участников. В этой связи устойчивое развитие БРИКС будет определяться его способностью к выработке консенсусных решений и оперативному урегулированию возникающих противоречий.

Россия, хотя и не является частью Глобального Юга, имеет тесные экономические связи с его крупнейшими представителями. В последние годы торговый оборот между РФ и странами БРИКС+ неуклонно растет.

Основным торговым партнером России в данной организации выступает Китай. Так, совокупный торговый оборот между государствами за 2018–2021 гг. вырос на 32,4 млрд долл. США (с 108,3 млрд до 140,7 млрд долл. США соответственно). В основном экспорт из РФ в КНР имеет сырьевую направленность: энергоресурсы (67 %), металлы (9,1 %), древесина (6,5 %), руды (5,5 %), рыба и рыбпродукты (2,4 %). В структуре импорта преобладают промышленная продукция (42,6 %), текстиль и одежда (12 %), продукция химической промышленности (10,9 %), металлы (8,4 %) и транспортные средства (7,5 %) [13, с. 16].

Другим важным партнером РФ по БРИКС+ является Индия (см. рис. 2). С середины 2000-х гг. взаимный торговый оборот между двумя государствами растет довольно быстрыми темпами (на 20–30 % ежегодно). Высокую долю экспорта из России в эту страну составляют минеральные ресурсы и химическая продукция, а также ресурсы, обеспечивающие военно-силовой потенциал Индии. В обратную же сторону идут специи, лекарства, текстиль и продукция пищевой промышленности [14, с. 18–20].

Бразилия также занимает видное место в российской внешней торговле. В 2021 г. торговый оборот между странами составил около 5,26 млрд долл. США. Россия поставляет в Бразилию продукцию химической промышленности (около 70 % от экспорта), минеральные продукты (22,4 % от экспорта), металлы и транспортное оборудование (по 5,5 % от экспорта соответственно) [9, с. 191–192].

Внешняя торговля между Россией и ЮАР имеет наименьший товарооборот (1,14 млрд долл. США), чем между РФ и страной «старого» состава БРИКС+. Основой экспорта из РФ здесь являются удобрения (36 %), минеральные ресурсы и топливо (18,2 %), а также пластмассы и

изделия из них (около 10 %). Из ЮАР же поставляются фрукты и орехи (37,5 %), руды, шлак и зола (около 21 %), транспортные средства (14 %) и различное техническое оборудование (7,6 %) [13, с. 17–18].

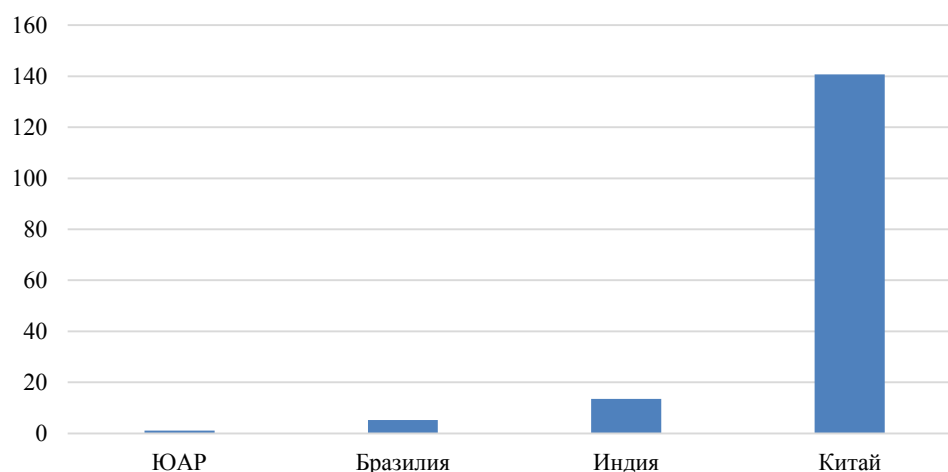

Рис. 2. Объем торговли между Россией и членами БРИКС на 2021 г.
[13, с. 16; 14, с. 18–19; 9, с. 191; 13, с. 16]

Сотрудничество РФ и других стран БРИКС+ открывает широкие перспективы в развитии совместных масштабных проектов. Таковыми являются: трансконтинентальный газопровод Венесуэла – Бразилия – Аргентина, строительство целой серии АЭС в Индии, аэрокосмические исследования и проекты [14, с. 19].

Одним из активно обсуждаемых проектов является создание новой «Международной платформы по атомной энергетике», которая должна стать площадкой для выработки совместных решений и сотрудничества в энергетической сфере. Обосновывается это тем, что уже к 2050 г. около половины производства и потребления энергоресурсов будет приходиться именно на страны БРИКС+ [2].

Особый научный интерес, наряду с анализом стран-основателей БРИКС, представляет исследование динамики социально-экономических показателей новых государств-участников – Исламской Республики Иран, Арабской Республики Египет, Федеративной Демократической Республики Эфиопия, Объединенных Арабских Эмиратов и Республики Индонезия.

Экономическое развитие Объединенных Арабских Эмиратов во второй половине XX в. претерпело динамичную трансформацию, детерминированную, главным образом, двумя факторами: открытием месторождений нефти в 1950–1960-х гг. и последующими ценовыми шоками на мировом нефтяном рынке в 1973 и 1980 гг. Результатом данной ресурсной модернизации стало достижение ОАЭ к 2012 г. высоких макроэкономических показателей: 29-е место в мировом рейтинге по уровню жизни и 13-е место по объему ВВП на душу населения (49 тыс. долл.) [16, с. 15–19]. В настоящее время, наряду с сырьевым сектором, стратегическим приоритетом эмиратов является развитие инновационного потенциала в сфере информационных технологий и стимулирование притока прямых иностранных инвестиций.

Эфиопия, еще одно государство, получившее статус члена БРИКС+, демонстрирует признаки структурной трансформации экономики, несмотря на сохранение классификации Всемирного банка как страны с низким уровнем дохода. За период с 1985 по 2020 г. удельный вес аграрного сектора в экономике сократился с 53 до 35 %, тогда как доля промышленного сектора возросла с 9 до 23 % (см. рис. 3). Однако несмотря на позитивную динамику, сохраняется высокая уязвимость национальной экономической системы к социально-экономическим кризисам, а эффективность притока иностранных инвестиций в качестве стабилизирующего фактора не может быть гарантирована [3, с. 63–67].

Экономика Египта на первоначальном этапе его развития в качестве независимого государства (в середине XX в.) демонстрировала чрезвычайно низкие объемы валового внутреннего продукта. Так, минимальное зафиксированное значение этого показателя составило 4,04 млрд долл. США в 1962 г. В данный период экономика Египта имела аграрный характер, присущий большинству африканских государств того периода. В дальнейшем в социально-экономическом развитии страны произошли значительные изменения. За последние 60 лет Египет стал одним

из наиболее экономически развитых государств региона [17, с. 83–85]. Это выразилось в приблизительно 118-кратном увеличении ВВП к 2022 г. (до 476,75 млрд долл. США) [5]. Фактически, это было прямым следствием последовательной смены экономических моделей, что в политологической традиции интерпретируется как переход от мобилизационной (государственно-социалистической) к либерально-рыночной парадигме развития.

Указанная выше трансформация разворачивалась в три основных хронологических этапа. Первый этап (1974–1985 гг.), ключевым элементом которого стала так называемая политика «инфитях» («открытых дверей»), предполагал частичную либерализацию внешнеэкономических связей Египта при сохранении контроля государства над ключевыми секторами национальной экономической системы. Второй этап (1991–2000 гг.) ознаменовался внедрением программы структурной адаптации экономики, согласованной с МВФ. Она предполагала значительное сокращение государственных инвестиций, либерализацию тарифного режима и начало приватизационных процессов. Третий этап (с середины 2000-х гг. по настоящее время) характеризуется фундаментальной либерализацией кредитно-денежной системы страны, еще более масштабной приватизацией и «встраиванием» Египта в глобальные производственно-логистические цепочки [17, с. 82–86]. Кульминацией этих реформ можно считать экономический рывок в 2019–2022 гг., когда ВВП увеличился примерно в 1,5 раза (с 318,68 млрд до 476,75 млрд долл. США).

Наиболее значимым эффектом социально-экономических реформ второй половины XX – начала XXI в. стало изменение международной экономической классификации Египта: в 1995 г. страна была отнесена к группе государств с доходом ниже среднего, а уже к 2024 г. – заняла 1-е место среди африканских государств по ВВП (ППС) – 2,23 трлн долл. США, а также 18-е место в международном рейтинге, где опередила Нигерию и некоторые экономики стран Персидского залива [23]. Прогнозируемое значение ВВП к 2027 г. составит 476,75 млрд долл. США, что позволяет говорить о подтверждении консолидации восходящего тренда [5]. Весомым структурным сдвигом, фиксирующим положительные изменения в экономике Египта, стало сокращение доли сельского хозяйства в национальной экономике до 14 % при одновременном доминировании сектора услуг (49 % ВВП), что может трактоваться как повышение экономической устойчивости страны и снижение уязвимости перед внешними шоками.

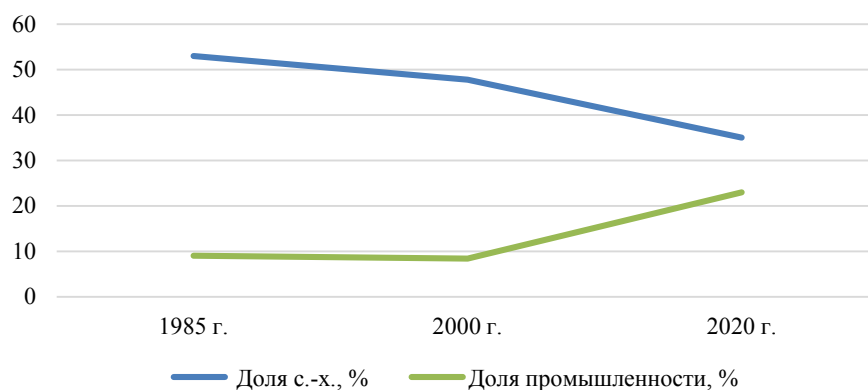

Рис. 3. Динамика доли сельского хозяйства и промышленности в экономике Эфиопии [3, с. 64]

С 1990-х гг. экономика Индонезии демонстрирует циклическую динамику роста, а также неоднократно проявляла способность к быстрому восстановлению после социально-экономических потрясений. Интенсивный экономический подъем позволил стране осуществить переход из категории государств с низким уровнем дохода в группу стран с доходом ниже среднего (в 1993 г.). Однако масштабный Азиатский финансовый кризис 1998 г. привел к возвращению макроэкономических показателей на прежние позиции.

Оживление индонезийской экономики, обеспеченное, в частности, диверсификацией в таких сферах, как добывающая промышленность, электроника и легкая промышленность, предоставило Индонезии возможность в краткосрочной перспективе вернуться в категорию стран с доходом ниже среднего (в 2003 г.) и поддерживать устойчивые темпы прироста национального ВВП на уровне 4–5 % вплоть до 2019 г. (за исключением кризисного 2009 г.). Последующий переход в группу стран с уровнем дохода выше среднего (в 2019 г.) был временно нивелирован последствиями охватившей весь мир пандемии COVID-19 уже в 2020 г.; тем не менее к 2022 г.

государство вновь достигло рекордных экономических показателей, чем подтвердило прежнюю позитивную динамику [15, с. 96–99]. Описанная траектория развития, обладающая сильной устойчивостью к внешним и внутренним кризисным факторам, формирует высокую инвестиционную привлекательность Индонезии в рамках проектов по развитию международного экономического сотрудничества.

Социально-экономическая ситуация в Иране отличается сложностью и противоречивостью. Несмотря на достижение статуса страны с уровнем дохода выше среднего в начале 2010-х гг., к концу десятилетия произошла реклассификация государства в категорию с доходом ниже среднего. Экономическая модель Ирана, сформированная после исламской революции 1979 г., ориентирована на автаркию, централизованное управление и соответствие нормам шариата. Структура экономики остается структурно консервативной с 1970-х гг., демонстрируя стабильное распределение по секторам: промышленность (35–40 %), сельское хозяйство (7–12 %), сфера услуг (42–55 %). В предкризисный период (до 2025 г.) в экономике сохранялись критические макроэкономические дисбалансы, включая гиперинфляцию (свыше 40 %), дефицит государственного бюджета (~3 %) и госдолг на уровне около 1/3 ВВП [3, с. 65]. Значимым сдерживающим фактором развития остается режим санкций, инициированный США и их союзниками. В этом контексте участие в формате БРИКС+ рассматривается как стратегическая перспектива для диверсификации внешнеэкономических связей, укрепления позиций в мировой экономике и формирования новых доверительных отношений с азиатскими партнерами.

Заключение

Таким образом, углубление социально-экономической и торгово-финансовой кооперации в рамках объединения БРИКС+ выступает детерминантой ускорения экономического роста стран Глобального Юга и способствует более эффективной интеграции их сравнительных преимуществ в систему международного разделения труда. Сравнительный анализ темпов роста ВВП, объемов торговли, появление новых транспортных коридоров и рост влияния на формирующиеся новые правила мировой торговли отражают устойчивое стремление стран Юга к геоэкономической независимости. Расширение состава организации за счет новых участников создает предпосылки для синергетического эффекта, заключающегося в одновременной акселерации развития государств-неофитов и извлечения стратегических выгод странами-учредителями.

Список источников

1. Альбов, А. П. Развитие международной торговли в рамках БРИКС с учётом национального таможенного законодательства государств-участниц (на примере Республики Бразилия) / А. П. Альбов, Г. А. Крмджян, К. Г. Назаретян // *Legal Bulletin*. – 2019. – № 4. – С. 62–68.
2. Атомщики стран БРИКС решили создать общую платформу по атомной энергии // *Новости в России и мире – ТАСС*. – 17.10.2024. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22144495> (дата обращения: 18.12.2025).
3. Бахметьева, Е. С. Расширенный БРИКС: есть ли общее в проблемах роста? / Е. С. Бахметьева, А. К. Морозкина // *Россия в глобальной политике*. – 2025. – Т. 23, № 5. – С. 59–74. – doi: 10.31278/1810-6439-2025-23-5-59-74.
4. Валюта БРИКС? // *Современная мировая экономика*. – 19.08.2023. – URL: <https://cwejournal.hse.ru/pnoguiera-3-2023> (дата обращения: 17.12.2025).
5. ВВП Египта // *Trading Economics*. – 30.12.2025. – URL: <https://ru.tradingeconomics.com/egypt/gdp> (дата обращения: 18.04.2026).
6. ВВП стран мира. Рейтинги // *Selection*. – 21.05.2025. – URL: <https://infoselection.ru/info-katalog/biznes-i-finansy/ekonomika-i-rynki/item/755-%20vvp-stran-mira> (дата обращения: 15.12.2025).
7. Воронина, В. Н. Индия в современной мировой экономике: ее место и роль / В. Н. Воронина // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2023. – № 8. – С. 47–62. – doi: 10.24412/2072-8042-2023-8-47-62.
8. Доля БРИКС в мировом ВВП достигла рекордных показателей // *РИА Новости – события в Москве, России и мире сегодня*. – 03.07.2024. – URL: <https://ria.ru/20240703/briks-1956999423.html> (дата обращения: 16.02.2026).
9. Игнатова, А. Д. Торгово-экономическое сотрудничество России и Бразилии на современном этапе / А. Д. Игнатова // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2023. – № 6–1 (81). – С. 191–194. – doi: 10.24412/2500-1000-2023-6-1-191-194.
10. Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 года // *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. – 24.08.2023. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 16.12.2025).

11. Кисленко, И. Ю. О роли понятий «глобальный Север-Юг» в глобальной социологии / И. Ю. Кисленко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – № 2. – С. 116–128. – doi: 10.21638/spbu12.2020.201.
12. Климова, Н. В. Становление Нового банка развития БРИКС и его конкурентоспособность на валютном рынке / Н. В. Климова, М. А. Чернышов // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 114. – С. 1198–1207.
13. Ковалева, Е. И. Оценка взаимной торговли России со странами БРИКС / Е. И. Ковалева, Ю. Л. Растопчина, Ю. Н. Божков, А. Н. Брежнев // Индустриальная экономика. – 2023. – № 2. – С. 14–19. – doi: 10.47576/2949-1886_2023_2_14.
14. Мантусов, В. Б. Интеграционные процессы и сотрудничество России со странами БРИКС / В. Б. Мантусов // Вестник Российской таможенной академии. – 2022. – № 3 (60). – С. 9–23. – doi: 10.54048/20727240_2022_03_9.
15. Мельянцева, В. А. Основные факторы экономического роста Индонезии – четвертой экономики Азии / В. А. Мельянцева, И. С. Адлова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 1. – С. 86–106. – doi: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106.
16. Мхитарян, Ю. И. Особенности развития национальной экономики в ОАЭ и социально-экономические аспекты российской экономики / Ю. И. Мхитарян // Век качества. – 2013. – № 3. – С. 14–20.
17. Николаев, Д. А. Арабская республика Египет в мировой экономике: возможности развития / Д. А. Николаев // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 3. – С. 82–87.
18. Пекинская декларация XIV саммита БРИКС // Президент России. – 23.06.2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 16.12.2025).
19. Пильщиков, Ю. С. Инвестиционные отношения стран БРИКС: состояние и перспективы / Ю. С. Пильщиков // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2017. – № 2 (50). – Ст. 5021. – URL: <https://eee-region.ru/article/5021/> (дата обращения: 01.04.2026).
20. Состав БРИКС в 2024 году вырос вдвое: новые члены объединения // URA.RU: Главные новости России и мира, новости Урала. – 22.10.2024. – URL: <https://ura.news/news/1052833162> (дата обращения: 15.01.2026).
21. Фесенко Е. С. Страны БРИКС в мировой экономике / Е. С. Фесенко // Скиф. – 2021. – № 5 (57). – С. 442–446.
22. Явнова, И. И. БРИКС: история создания / И. И. Явнова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2015. – № 9 (49). – С. 71–74.
23. GDP based on PPP valuation of country GDP // The World Bank. – 01.07.2025. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (дата обращения: 18.04.2026).

References

1. Albov, A. P., Krmadzhyan, G. A., Nazaretyan, K. G. Razvitie mezhdunarodnoj trgovli v ramkah BRIKS s uchyotom natsionalnogo tamozhennogo zakonodatelstva gosudarstv-uchastnits (na primere Respubliki Braziliya) [Development of international trade within the framework of BRICS, taking into account the national customs legislation of the member States (using the example of the Republic of Brazil)]. *Legal Bulletin* [Legal Bulletin]. 2019, no. 4, pp. 62–68.
2. Atomshchiki stran BRIKS reshili sozdat obshchuyu platformu po atomnoy energii [The nuclear scientists of the BRICS countries decided to create a common platform on atomic energy]. *Novosti v Rossii i mire. TASS* [News in Russia and the World. TASS]. 17.10.2024. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/22144495> (accessed: 18.12.2025).
3. Bahmeteva, E. S., Morozkina, A. K. Rasshirennyy BRIKS: est li obshchee v problemakh rosta? [Expanded BRICS: Are there commonalities in growth issues?]. *Rossiia v globalnoy politike* [Russia in global politics]. 2025, vol. 23, no. 5, pp. 59–74, doi: 10.31278/1810-6439-2025-23-5-59-74.
4. Valyuta BRIKS? [The BRICS currency?]. *Sovremennaya mirovaya ekonomika* [The Modern World Economy]. 19.08.2023. Available at: <https://cwejournal.hse.ru/pnoguiera-3-2023> (accessed: 17.12.2025).
5. VVP Yegipta [Egypt GDP]. *Trading Economics* [Trading Economics]. 30.12.2025. Available at: <https://ru.tradingeconomics.com/egypt/gdp> (accessed: 18.04.2026).
6. VVP stran mira. Rejtingi [The GDP of the countries of the world. Ratings]. *Selection* [Selection]. 21.05.2025. Available at: <https://infoselection.ru/infokatalog/biznes-i-finansy/ekonomika-i-rynki/item/755-%20vvp-stran-mira> (accessed: 15.12.2025).
7. Voronina, V. N. Indiya v sovremennoy mirovoy ekonomike: ee mesto i rol [India in the modern global economy: its place and role]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin]. 2023, no. 8, pp. 47–62, doi: 10.24412/2072-8042-2023-8-47-62.

8. Dolya BRIKS v mirovom VVP dostigla rekordnykh pokazateley [The BRICS share in the world in reaching record levels]. *RIA Novosti – sobyitiya v Moskve, Rossii i mire segodnya* [RIA Novosti – events in Moscow, Russia and the world today]. 03.07.2024. Available at: <https://ria.ru/20240703/briks-1956999423.html> (accessed: 16.02.2026).
9. Ignatova, A. D. Torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Brazili na sovremennom etape [Trade and economic cooperation between Russia and Brazil at the present stage]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2023, no. 6–1 (81), pp. 191–194, doi: 10.24412/2500-1000-2023-6-1-191-194.
10. Yohannesburgskaya deklaratsiya-II. BRIKS i Afrika: partnerstvo v interesah sovmestnogo uskorenno rosta, ustoychivogo razvitiya i inklyuzivnoy mnogostoronnosti, Sandton, Gauteng, YuAR, 23 avgusta 2023 goda [The Johannesburg Declaration-II. BRICS and Africa: Partnership for Joint Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism, Sandton, Gauteng, South Africa, August 23, 2023]. *Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii* [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. 24.08.2023. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (accessed: 16.12.2025).
11. Kislenko, I. Yu. O roli ponyatiy «globalnyy Sever-Yug» v global'noy sociologii [The role of the concepts of «global North-South» in global sociology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]. 2020, no. 2, pp. 116–128, doi: 10.21638/spbu12.2020.201.
12. Klimova, N. V., Chernyshov, M. A. Stanovlenie Novogo banka razvitiya BRIKS i ego konkurentosposobnost na valyutnom rynke [The formation of the New BRICS Development Bank and its competitiveness in the foreign exchange market]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU* [Scientific journal of KubSAU]. 2015, no. 114, pp. 1198–1207.
13. Kovaleva, E. I., Rastopchina, Yu. L., Bozhkov, Yu. N., Brezhnev, A. N. Otsenka vzaimnoy torgovli Rossii so stranami BRIKS [Assessment of Russia's mutual trade with the BRICS countries]. *Industrialnaya ekonomika* [Industrial Economy]. 2023, no. 2, pp. 14–19, doi: 10.47576/2949-1886_2023_2_14.
14. Mantusov, V. B. Integratsionnye protsessy i sotrudnichestvo Rossii so stranami BRIKS [Integration processes and cooperation between Russia and the BRICS countries]. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii* [Bulletin of the Russian Customs Academy]. 2022, no. 3 (60), pp. 9–23, doi: 10.54048/20727240_2022_03_9.
15. Melyantsev, V. A., Adrova, I. S. Osnovnye faktory ekonomicheskogo rosta Indonezii – chetvertoy ekonomiki Azii [The main factors of economic growth in Indonesia, Asia's fourth largest economy]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2021, no. 1, pp. 86–106, doi: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106.
16. Mkhitarian, Yu. I. Osobennosti razvitiya natsionalnoy ekonomiki v OAE i sotsialno-ekonomicheskie aspekty rossiyskoy ekonomiki [Features of the development of the national economy in the UAE and socio-economic aspects of the Russian economy]. *Vek kachestva* [Century of Quality]. 2013, no. 3, pp. 14–20.
17. Nikolaev, D. A. Arabskaya respublika Egipet v mirovoy ekonomike: vozmozhnosti razvitiya [The Arabic Republic of Egypt in the Global Economy: development opportunities]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments]. 2020, no. 3, pp. 82–87.
18. Pekinskaya deklaratsiya XIV sammita BRIKS [Beijing Declaration of the XIV BRICS Summit]. *Prezident Rossii* [President of Russia]. 23.06.2022. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (accessed: 16.12.2025).
19. Pilshchikov, Yu. S. Investitsionnye otnosheniya stran BRIKS: sostoyanie i perspektivy [Investment relations of the BRICS countries: status and prospects]. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal]. 2017, no. 2 (50), art. 5021. Available at: <https://eee-region.ru/article/5021/> (data obrashcheniya: 01.04.2026).
20. Sostav BRIKS v 2024 godu vyros vdvoe: novye chleny ob'edineniya [Sostav BRIKS in 2024 godu vyros vdvoe: novye chleny ob'edineniya]. *URA.RU: Glavnye novosti Rossii i mira, novosti Urala* [URA.RU: Main News from Russia and the World, News from the Urals.]. 22.10.2024. Available at: <https://ura.news/news/1052833162> (accessed: 15.01.2026).
21. Fesenko, E. S. Strany BRIKS v mirovoy ekonomike [BRICS countries in the global economy]. *Skif* [Skif]. 2021, no. 5 (57), pp. 442–446.
22. Yavnova, I. I. BRIKS: istoriya sozdaniya [BRICS: the history of creation]. *Aktualnye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* [Current Issues in Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History]. 2015. no. 9, pp. 71–74.

23. GDP based on PPP valuation of country GDP. *The World Bank*. 01.07.2025. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (accessed: 18.04.2026).

Информация об авторах

*Оськаина О. И. – кандидат политических наук, доцент;
Закарьяев Т. А. – студент;
Красовский Д. Н. – студент.*

Information about the authors

*Oskina O. I. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor;
Zakaryayev T. A. – student;
Krasovsky D. N. – student.*

Вклад авторов

Оськаина О. И. – научное руководство; разработка концепции и методологии исследования, обоснование цели статьи, написание исходного текста, сведение данных, итоговые выводы;

Закарьяев Т. А. – работа с источниками, обработка и представление статистических и социологических данных, доработка текста, работа с оформлением материалов, составление графиков и рисунков, итоговые выводы;

Красовский Д. Н. – работа с источниками, обработка и представление статистических и социологических данных, доработка текста; работа с оформлением материалов, составление графиков и рисунков, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Oskina O. I. – scientific supervision, development of the research concept and methodology, justification of the article's purpose, writing the original text, data compilation, final conclusions;

Zakaryayev T. A. – work with sources; processing and presentation of statistical and sociological data; text revision, work on the design of materials, preparation of graphs and figures, final conclusions;

Krasovsky D. N. – work with sources, processing and presentation of statistical and sociological data, text revision, work on the design of materials, preparation of graphs and figures, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 26.05.2026; принята к публикации 30.06.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 26.05.2026; accepted for publication 30.06.2026.